

ДОНСКІЯ ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ВѢДОМОСТИ.

ВЫХОДЯТЪ ДВА РАЗА ВЪ МѢСЯЦЪ.

Подписка принимается въ Редак-
ціи, при Донской Духовной Семіна-
ріи, въ Новочеркасскѣ.

Цѣна годовому изданію вѣдомо-
стей съ доставкою и пересылкою 4 р.
серебромъ.

ГОДЪ ТРИНАДЦАТЫЙ.

№ 6.

1881.

15-го МАРТА.

ОТДѢЛЪ ОФФИЦІАЛЬНЫЙ.

ВЫСОЧАЙШІЙ МАНИФЕСТЪ.

БОЖІЕЮ МИЛОСТІЮ

МЫ, АЛЕКСАНДРЪ ТРЕТІЙ,

ИМПЕРАТОРЪ И САМОДЕРЖЕЦЪ

ВСЕРОССІЙСКІЙ,

ЦАРЬ ПОЛЬСКІЙ, ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ ФИНЛЯНДСКІЙ

и прочая, и прочая, и прочая.

Объявляемъ всеѣмъ вѣрнымъ Нашимъ подданнымъ:

Господу Богу угодно было въ неисповѣдимыхъ пу-
тяхъ Своихъ поразить Россію роковымъ ударомъ и вне-
запно отозвать къ Себѣ ея Благодѣтеля, Государя Им-
ператора Александра II. Онъ палъ отъ святотатственной
руки убійцы, неоднократно покушавшихся на Его драго-
цѣнную жизнь. Они посягали на сію столь драгоценную
жизнь, потому что въ ней видѣли оплотъ и залогъ ве-
личія Россіи и благоденствія Русскаго народа. Смирясь

предъ таинственными велѣніями Божественнаго Промысла и вознося ко Всевышнему мольбы объ упокоеніи чистой души усопшаго Родителя Нашега, Мы вступаемъ на Прародительскій Нашъ Престоль Россійской Имперіи и нераздѣльныхъ съ нею Царства Польскаго и Великаго Княжества Финляндскаго.

Подъемлемъ тяжкое бремя, Богомъ на насъ возлагаемое, съ твердымъ упованіемъ на Его всемогущую помощь. Да благословитъ Онъ труды Наши ко благу возлюбленнаго Нашега отечества и да направитъ Онъ силы Наши къ устроенію счастія всѣхъ нашихъ вѣрноподанныхъ.

Повторяя данный Родителемъ Нашимъ священный предъ Господомъ Вседержителемъ обѣтъ посвятить по завѣту нашихъ предковъ всю жизнь Нашу попеченіямъ о благоденствіи, могуществѣ и славѣ Россіи, Мы призываемъ нашихъ вѣрноподанныхъ соединить ихъ молитвы съ нашими мольбами предъ алтаремъ Всевышняго и повелѣваемъ имъ учинить присягу въ вѣрности Намъ и Наслѣднику Нашему, Его Императорскому Высочеству Цесаревичу Великому Князю Николаю Александровичу.

Данъ въ Петербургѣ, въ 1 день марта, въ лѣто отъ Рождества Христова тысяча восемьсотъ восемьдесятъ первое, царствованія же Нашега въ первое.

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою подписано:

„АЛЕКСАНДРЪ“.

ОПРЕДѢЛЕНІЯ СВЯТѢЙШАГО СИНОДА.

О книгѣ М. Терне „Учебникъ русскаго стенографическаго слуховаго письма“.

По указу Его Императорскаго Величества, Святѣйшій Правительствующій Синодъ слушали: предложеніе г. синодальнаго

Оберъ-Прокурора, отъ 11 декабря 1880 г. за № 515, съ журналомъ Учебнаго Комитета, коимъ признается возможнымъ составленный полковникомъ Михаиломъ Терне „Учебникъ русскаго стенографическаго слуховаго письма“ (С.-Петербургъ, 1879 г., цѣна 1 рубль) допустить къ приобрѣтенію въ фундаментальныя бібліотеки духовно-учебныхъ заведеній, подъ условіемъ значительнаго уменьшенія цѣны книги. Приказали: Заключение Учебнаго Комитета утвердить, и, для объявленія о семъ правленіямъ духовнымъ семинарій и училищъ и совѣтамъ епархіальныхъ женскихъ училищъ, сообщить циркулярно, чрезъ „Церковный Вѣстникъ“.

Отъ 27 января 1881 г., № 335, о книгѣ Цвѣткова: „Учебный курсъ всеобщей исторіи“.

По указу Его Императорскаго Величества, Святѣйшій Правительствующій Синодъ слушалъ: предложенный г. синодальнымъ Оберъ-Прокуроромъ журналъ Учебнаго Комитета, № 341, коимъ составленный инспекторомъ московской духовной семинаріи Алексѣемъ Цвѣтковымъ „Учебный курсъ всеобщей исторіи“ (въ трехъ частяхъ. Часть I. Москва 1876 г.; части II и III въ рукописи) одобряется, въ качествѣ учебнаго пособія при преподаваніи гражданской исторіи въ духовныхъ семинаріяхъ, съ тѣмъ, чтобы авторъ, при печатаніи своего труда, воспользовался замѣчаніями Учебнаго Комитета. Приказали: Заключение Учебнаго Комитета утвердить, и, для объявленія о семъ правленіямъ духовныхъ семинарій, сообщить циркулярно, чрезъ „Церковный Вѣстникъ“.

О празднои псаломщической вакансіи при Успенской церкви слободы Мариновки, Качалинскаго благочинія.

Донская духовная консисторія, по предложенію Его Высокопреосвященства, объявляетъ псаломщикамъ Донской епархіи, что при Успенской церкви слободы Мариновки Качалинскаго благочинія псаломщическая вакансія въ настоящее время праздна, съ тѣмъ, чтобы желающіе занять таковую, подали объ этомъ Его Высокопреосвященству прошенія.

ОТДѢЛЪ НЕОФИЦІАЛЬНЫЙ.

Мученическая кончина Его Императорскаго Величества Государя Императора Александра Николаевича.

Ужасную, невѣроятную вѣсть услышали 2 марта жители г. Новочеркасска. Умъ положительно отказывался признать основательность упорно распространявшагося слуха... Но вотъ въ 12 часовъ дня раздался протяжный благовѣстъ большого соборнаго колокола — и народъ толпами повалилъ въ церковь. Высокопреосвященнѣйшій Владыка Митрофанъ въ сопровожденіи сослужащихъ лицъ изъ духовенства вышелъ въ черныхъ облаченіяхъ на средину храма. Началось чтеніе телеграммы министра внутреннихъ дѣлъ, возвѣстившей собравшемуся народу, что „1 марта, въ 1 ч. 45 мин., при возвращеніи Государя Императора съ развода, на набережной Екатерининскаго канала, у сада Михайловскаго дворца, совершенно было покушеніе на священную жизнь Его Величества посредствомъ брошенныхъ двухъ разрывныхъ снарядовъ. Первый изъ нихъ повредилъ экипажъ Его Величества; разрывъ втораго нанесъ тяжелыя раны Государю. По возвращеніи въ Зимній дворецъ Его Величество сподобился приобщиться Св. Таинъ и затѣмъ въ Бозѣ почилъ въ 3 ч. 35 м. по полудни. Одинъ злодѣй схваченъ“.

Многочисленными рыданіями огласился храмъ Божій по прочтеніи телеграммы. Да и какъ было не рыдать, не предаваться скорби истинно русскому сердцу? Царь убить!... „Русскій царь, скажемъ мы словами газеты „Русь“, убить у себя въ Россіи, въ своей столицѣ, звѣрски, варварски, на глазахъ у всѣхъ — *русскою* же рукою (*)... Позоръ, позоръ нашей странѣ! „*Людіе moi*“ — мнит-

(*) Задержанный 1-го марта злодѣй, какъ обнаружено производимся дознаніемъ — мѣщанинъ города Тихвина, Николай Ивановъ Рысаковъ, 19 лѣтъ, началъ оразованіе въ вытегорскомъ уѣздномъ училищѣ; затѣмъ продолжалъ его въ череповецкомъ реальномъ училищѣ; въ 1879 году въ сентябрѣ мѣсяцѣ поступилъ въ горный институтъ, гдѣ и нынѣ числится, но лекцій не посѣщаетъ съ декабря 1880 года. По словамъ товарищей — онъ мало развитый человекъ, мало знающій, крикунъ, анархистъ.

ся, говоритъ Онъ намъ, — Онъ, избавитель людей своихъ отъ крѣпостнаго плѣна! —, что судьбалазя вамъ, а вачто дпріялыя въ отвѣтъ на мое добро, на мою любовь, — эти страданія, эти муки, — и не эти предсмертныя только, а безмѣрныя муки, но тѣ страшныя, нравственныя муки, которыми столько уже бѣтъ сряду, съ бытакимъ неистовствомъ, съ такою злобою, живо одна въ видень, утерзали здѣсь, въ родномъ краю, тую жизнь?.. Пусть же жгучая боль стыда и горя проникнетъ нашу землю вѣзъ къ концу, вѣзъ къ концу, и не содрогнется въ ней ужасомъ, скорбью, и гнѣвомъ негодования всякая душа!

Миръ и благословеніе почившему царю! Богъ, прославилъ его, сверхъ земной славы, а вышею славою. Вѣнчанный царь нашъ, царь-Освободитель, увѣнчался еще и вѣнцомъ мученическимъ: Онъ палъ, обливаясь кровью почти въ тотъ самый мигъ, когда, — въ неисчетный разъ спасенный по видимому отъ опасности, — Онъ, повинувъсь велѣнію своего неизмѣнно-добраго сердца, благословилъ крестнымъ знаменіемъ убитыхъ и молвилъ слово утѣшенія раненому солдату... Царь-человѣкъ, увиди въ радость Господа твоего — такова молитва твоего народа!

Но совѣсть Русскаго народа такою одною молитвою успокоена быть не можетъ. Чтѣ такое случилось, и что подѣялось съ нашею землею? Не бывало, неслыханное творится на Святой Руси! Кто тѣ, что смѣютъ пятнать грѣхоты и преступленіемъ нашей историческое бытіе, и класть позоръ и срамъ на наши головы? Посягательство на царя — это посягательство на самый народъ, — это насиліе надъ народною волею и свободою, а во всѣхъ странахъ міра лишь охранѣ самого народа вѣрена а въ сущности жизнь всякаго Верховнаго Предержателя власти, а ибо никакою полиціею въ свѣтѣ она вполнѣ ограждена бытъ не можетъ. Но нигдѣ, казалось бы, нигдѣ какъ въ Россіи, нигдѣ царь и народъ не мыслятъ какъ одно, сплоченное любовью и духомъ, нигдѣ не долженъ, не можетъ быть такъ безопасенъ царь среди своего народа! Таково древлеотеческое преданіе. Солгалось ли про насъ это старое слово? Пусть, — какъ имъ утѣшаютъ насъ, — самый русскій народъ не пови-

нень, что не причастенъ этимъ излодѣйствамъ, которыми прославилась въ послѣдніе годы наша несчастная Россія на весь крещенный и некрещенный міръ; да пусть это дѣло онѣсколькихъ гадинъ, въ отребья нашей земли; но эта скверна искажаетъ нашъ нравственный историческій образъ, — но эти гадины распоряжаются, по своей прихоти, самими судьбами нашего народа, — это отребье — все же порождение Русской земли, Русскаго общества; плоть отъ плоти, кость отъ костей нашихъ. Никакія правосудныя кзачи не иморлиа доселѣ его истребить; никакими виѣшними силами можно не извести этого сѣмени зла, — оно, какъ язва на рѣлѣвъ нашемъ, доживаетъ, и смердитъ и гноится, и тайно заражая самую кровь. иавъ конмъ ахрѣвъ отъ аво .; Неужели однако это новое, страшное поруганіе надъ Русскою общественною совѣстью пройдетъ и гна сей разъ безслѣдно, и не воспринетъ русская совѣсть, и не встряхнется съ себя грѣхартѣни, и празднаго коснѣнія и недомыслія? Неужели не поймемъ, что у намъ нужно обновленіе, всеобщее, всецѣлое возрожденіе духа. и много историческаго, и народнаго, и земскаго духа, факоторый и создалъ русское царство, которымъ единственно, даже вѣще ина доселѣ, достоитъ ии крѣпко оио! То отребье, которое такъ дерзостно, такъ нагло гнететь преступленіями душу всего Русскаго народа, не вѣсть ии счадіе самого нашего простаго народа, во ии вѣго старины, ии да же и новизны и истинно просвѣщенной, — а порожденіе тотупничества отъ русской народности, ии змѣны ея преданіямъ, ии началамъ ии идеаламъ, порожденіе того раболѣтства духовнаго и европейскому Западу, ии той розни земли ии государства, факоторая, во вреки древнему завѣту, ии вѣрованіямъ ии чаяніямъ народнымъ, ии вѣдрилась авотъ уже почти два вѣка. ии вѣ наши общественный ии государственный строй. Ивтъ, ии не вѣ дальнѣйшемъ слѣдованіи по пути ии подражанія Европѣи наше спасеніе, ии не вѣ этомъ ии мнимомъ ии прогрессѣ ии врачеваніе наше, а вѣ воскрешеніи цѣлостнаго, ии объединяющаго, ии животворящаго земскаго духа. ии до вѣи отровъ ии до вѣи ии до вѣи авотъ ии до вѣи авотъ .; Царь, ои наслѣдовавший отъ аСтрастотерца-Отца царскій вѣвнѣць, ии вѣд наши ии дни ии вѣнѣць терновый, — Царь, вѣ горѣ ии сокру-

шеніи предстоящій нынѣ предѣ началомъ своего безпредѣльно-труднаго подвига, съ какою преданностью, съ какою готовностью способствованія взираетъ на Тебя твой народъ! Какъ молитъ онъ всеблагаго Господа, да укрѣпитъ онъ твоей державный духъ на всякое благое дѣланіе, да ниспошлетъ Тебѣ ту же любовь, ту же вѣру къ родному народу, которыми онъ желалъ бы окружить, огрѣдить Тебя отъ всякихъ злыхъ навѣтовъ и лихой напасти! Не по своему личному хотѣнью, а по произволению исторической судьбы, какъ преемникъ царя-избранника, въ смиреніи и послушаніи приемишь Ты тяжкое бремя великой власти, и всякій, кто отъ народа, не потщится сохранить все Тебѣ свято и непоколебимо, будъ незлобивъ, какъ твой Отецъ, онъ сумѣвшій соблюсти въ самодержцѣ святу ю простоту человеческого сердца. Но да будетъ же и тверда, неукоснительно властна, прозна отъ твоихъ десницъ на вѣхъ враговъ чести, достоинства и тишины твоего царства. Вѣдай и вѣруй, что только въ тѣнѣишемъ искреннемъ единеніи — не съ тою или другою частью русскаго общества, и неизменно, какъ тщатся нѣкоторые, но въ правду — со всемъ своимъ народомъ, — только шествуя русскимъ, народнымъ, земскимъ, въ то же время и царскимъ путемъ въ духѣ Истины Божьей и правды народной, обрѣтешь Ты намъ изцѣленіе отъ нашихъ — отступничествомъ отъ народа порожденныхъ — недуговъ, добудешь просвѣщенія, преуспѣянія, славы и мира для твоей необозримой, великой и для великаго будущаго предназначенной, русской, славянской державы!...

„Почивай въ мирѣ, вѣчной славы достойный, чело вѣколюбивый и народолюбивый, страдалецъ-Царь... Здравствуй на царствѣ, уповай и мужайся, новый Государь нашъ!“

Приводимъ подробности ужаснаго царевубійства, насколько онъ выяснились изъ газетныхъ сообщеній.

Въ „Нов. Времени“ передаютъ слѣдующее: когда покойный Государь Императоръ проѣзжалъ по набережной Екатерининскаго канала, въ это время на мѣстѣ послѣдовавшаго взрыва находились двое городовыхъ и одинъ околоточный надзиратель, у сада двор-

да великой княгини Екатерины Михайловны стояль вахтеръ съ дворниками. Мимо ихъ, по тротуару, проходилъ какой-то штатскій и вахтеръ видѣль, какъ оны въ моментъ проѣзда Государя Императора бросилъ въ карету комъ снѣга, какъ ему показалось бросился бѣжать. Сейчасъ же послѣдовалъ взрывъ, отъ котораго упалъ замертво ѣхавшій одну дверець кареты конвойный казакъ, свалился съ козелъ урядникъ конвоя, и раненый офицеръ, шедшій по другой сторонѣ и мальчикъ съ корзиною. Полиціймейстеръ Дворжицкій сейчасъ же подбѣжалъ къ каретѣ и отворилъ дверцы, Государь вышелъ и перекрестился. Между тѣмъ, за бѣжавшимъ преступникомъ поспѣкалъ казакъ Рабочій, который не вдадекъ различалъ рельсы конно-железнаго пути, услыхавъ взрывъ и видя бѣгущаго мимо челоука и крики: «держите его!» — догадался пустить въ него ломъ и какъ разъ, попалъ ему въ ноги, черезъ что бѣжавшій свалился, а Рабочій успѣлъ добѣжать до него и сѣлъ на него. Съ обоихъ концовъ набережной, между тѣмъ, бѣжалъ народъ, шедшій съ развода караулъ 8-го флотскаго экипажа и юнкера. Два матроса схватили перваго преступника. Государя же, пройдя нѣсколько шаговъ, вернулся къ мѣсту взрыва и подошелъ къ раненымъ. Въ это время, какъ разсказывалъ одинъ преображенскій солдатъ, неизвѣстный челоукъ, по видимому, изъ числа прибѣжавшей публики, подбросилъ вверхъ, какъ бросаютъ мячикъ, какой-то бѣлый комокъ, тоже какъ бы снѣга, который упалъ какъ разъ въ средину кружка, гдѣ былъ Государь. Произошелъ новый взрывъ, которымъ разбросали всѣхъ и все находившееся на мѣстѣ. Между прочимъ и самого бросившаго повергло на землю. Преображенскій солдатъ дальше самъ уже былъ раненъ и не знаетъ, что потомъ было.

Газета „Молва“ сообщаетъ разсказы полковника Адриана Ивановича Дворжицкаго: „Времена“ перодикъ: „Нов. Времена“.

Полковникъ Дворжицкій ѣхалъ въ нѣкоторомъ разстоянн за Государевой каретой; когда раздался первый взрывъ. Когда оный, подбѣжавъ, выскочилъ изъ саней, преступника уже держали

нѣсколько человекъ. Полковникъ Дворжицкій подошелъ къ злодѣю и вынулъ у него изъ-за пазухи револьверъ и кинжалъ. Въ это время подошелъ Государь Императоръ.

— Кто ты такой? — спросилъ онъ у злодѣя? Тотъ отвѣтилъ, что его зовутъ Грязновъ. Государь тогда направился къ раненымъ.

— Не ходите, Ваше Величество, обратился полковникъ Дворжицкій къ Государю.

Государь пошелъ по тротуару со стороны канавы. Дворжицкій шелъ впереди шагахъ въ трехъ.

Вдругъ раздался страшный взрывъ совсѣмъ у ногъ Государя. Полковникъ Дворжицкій, отброшенный силою взрыва, падаетъ впередъ на руки. Въ это мгновеніе раздается голосъ Его Величества:

Помоги.

Дворжицкій вскакиваетъ, бросается къ ошустившемуся на землю Царю; хочетъ его приподнять, но видитъ, что нижняя часть ногъ представляетъ ужасную безформенную массу, покрытую кровью. Въ эту минуту, онъ чувствуетъ самъ, что ослабѣваетъ и зоветъ на помощь окружающихъ, оцѣпенѣвшихъ отъ ужаса:

Помогите!

При помощи нѣсколькихъ человекъ Государь, безъ шапки, съ лицомъ покрытымъ кровью, поднять и перенесенъ въ сани полковника Дворжицкаго. Два офицера встали на полозья по обѣимъ сторонамъ, поддерживали голову и спину Его Величества. Экипажъ поѣхалъ въ Зимній Дворецъ.

Относительно того, откуда снарядъ (второй) былъ брошенъ и какъ былъ брошенъ, полковникъ Дворжицкій не можетъ дать себѣ отчета. Снарядъ разорвало сзади его между Государемъ и нимъ, на самомъ тротуарѣ.

„Новое Время“ получило слѣдующее письмо отъ очевидца преступленія 1-го марта, г. А. Шенберга, существенно дополняющее извѣстныя уже подробности и сообщающее новыя.

„Не успѣлъ мой извозчикъ поровняться съ угломъ Инже-

нерной улицы, какъ громовой ударъ разразился переть моими глазами и густой столбъ дыма засталъ передо мной всю мѣстность. Лошадь извозчика кинулась въ сторону, я же соскочилъ съ саней и бросился по направленію еще не разсѣявагося дыма. Едва сдѣлалъ нѣсколько шаговъ, какъ моимъ глазамъ представилась раздрающая картина. На встрѣчу мнѣ двое лицъ вели, поддерживая подъ мыщцы, страшно изуродованнаго городского, съ лица котораго кровь лилась ручьями; ни извозчиковъ, ни народу въ эту минуту не было. Поровнявшись съ заборомъ сада Екатерины Михайловны, я видѣлъ какъ нѣсколько юнкеровъ павловскаго училища, обгащенные кровью, бѣжали по направленію къ Казанскому мосту. На мой вопросъ, что случилось, они въ отчаяніи крикнули мнѣ: „Государь... раненъ... безъ ногъ“!.. Пораженный, я сдѣлалъ нѣсколько шаговъ впередъ: передо мной головами къ рѣшеткѣ канала лежали два умирающихъ: съ лѣвой стороны мальчикъ, съ страшно обезображеннымъ лицомъ и зіяющей раной на вискѣ, полукрываетъ и закрываетъ глаза; съ правой — плотный мужчина съ бородой, съ окровавленной головой, съ разбитыми ногами, безъ сапогъ. Страшные глаза его, налитые кровью, смотрѣли на мальчика. (Какъ это выяснилось теперь, это и былъ злодѣй, бросившій второй роковой метательный снарядъ *). Между ними плита панели была взорвана и на этомъ-то самомъ мѣстѣ между невинной жертвой, привлекая милосердное вниманіе Царя-человѣка, и гнуснымъ извергомъ, палъ нашъ Отецъ, нашъ Осво-

(*) Личность неизвѣстнаго лица, тяжко раненаго разрывнымъ снарядомъ причинившимъ смертельныя раны усопшему Государю Императору, по словамъ „Новаго Времени“, разясняется: 4 марта хозяйка квартиры № 22, въ домѣ № 59, по Симбирской улицѣ, на Выборгской сторонѣ, заявила мѣстной полиціи, что жилецъ ея, значащійся по документамъ подъ фамиліей Ельницкаго, ушедши 1 марта, не возвращался въ квартиру; вслѣдствіе такого заявленія полиція распорядилась представить заявительницѣ трупъ неизвѣстнаго лица, умершаго въ Конюшенномъ госпиталѣ отъ ранъ, въ которомъ она узнала своего жильца. Тождественность его подтвердила и женщина, исполнявшая въ упомянутой квартирѣ обязанности прислуги, которая кромѣ того признала также снятое съ него бѣлье, такъ какъ предъ этимъ не задолго оно было дано ей бывшимъ жильцомъ въ мытье. По словамъ квартирной хозяйки, Ельницкій, занимавшій комнату всего мѣсяца два, рассказывалъ, что онъ имѣетъ какія-то письменныя занятія, для которыхъ обыкновенно уходилъ изъ квартиры утромъ и возвращался вечеромъ, велъ жизнь скромную.

бодитель. По положенію тѣла умирающаго убійцы, которое у меня ясно запечатлѣлось, вѣрнѣе всего предположить, что онъ подошелъ къ Государю сзади (слѣдовательно онъ въ время шаперваго взрыва находился у забора сада великой княгини, а въ то время какъ Рунсаковъ находился у рѣшетки канала). Когда Императоръ, осѣнивъ себя крестнымъ знаменіемъ, подходилъ къ раненому мальчику. Тутъ только злодѣй бросилъ подъ ноги Царя адскій снарядъ, которымъ и его самого отбросило къ рѣшеткѣ, между тѣмъ какъ Императоръ упалъ, обливаясь кровью, между преступникомъ и мальчикомъ.

Голосу сообщаютъ слѣдующій разсказъ очевидца о катастрофѣ 1-го марта, подпоручика лейбгвардіи резервнаго батальона Рудаковскаго:

Возвращаясь съ развода ивѣ подходя къ театральному мосту, я услышалъ сильный взрывъ и догадывался, въ чемъ дѣло, бросился бѣжать къ мѣсту происшествія. Шерѣбѣжавъ театральнѣ мостикъ, я увидѣлъ остановившуюся карету Государя, около деревянныхъ воротъ каменнаго забора сада имѣхайловскаго дворца. Наискосокъ воротъ, у рѣшетки канала, образовалась кучка людей, задержавшая преступника. Запыхавшись отъ бѣга, я и кто-то изъ преображенскихъ офицеровъ, шпатахъ въ десяти отъ кучки, подоѣжалъ къ Государю и, не узнавъ сзади Его Величество, обратились съ вопросомъ: что съ Государемъ? Его Величество оглянулся и, продолжая идти, перекрестясь, сказалъ: П., Слава Богу, я уцѣлѣлъ, но вотъ... Около кареты лежалъ раненый казакъ; недалеко кричалъ раненый мальчикъ. Услыхавъ слова Его Величества, преступникъ замѣтилъ: еще слава ми Богу! Его держали два матроса 8-го флотскаго экипажа, одинъ преображенскій солдатъ, лейбгвардіи резервнаго батальона штабсъ-капитанъ Франкъ и еще нѣсколько человекъ. Кто такой? Онъ спросилъ Государя. Кто-то отвѣтилъ, что мѣщанинъ (сколько мнѣ помнится) Грязновъ. Онъ невысокаго роста, лѣтъ 16 или 17, съ длинными русыми волосами и довольно глуповатымъ и грубымъ лицомъ. Толь-

ко что вырванный из его рукъ револьверъ дымился. „Есть и еще“, сказалъ онъ; его обыскали и нашли въ карманахъ кинжалъ. Собранный на противоположной сторонѣ канала народъ кричалъ: „изъ-за забора стрѣляли“. Я подбѣжалъ къ подходившему караулу 8-го флотскаго экипажа, приказалъ разбить ворота прикладами и осмотрѣть садъ, что и было исполнено, а самъ повернулъ обратно къ Государю, отошедшему въ это время вдоль рѣшотки канала шаговъ на 20, въ сопровожденіи полковника Дворжицкаго. Я былъ за нимъ шагахъ въ 10-ти, 12-ти. Раздался страшный трескъ. Масса дыма, снѣга и клочьевъ платья закрыла все на нѣсколько секундъ. Крикъ ужаса раздался съ противоположной стороны канала.

„Государь упалъ. Одновременно со мной подбѣжалъ штабсъ-капитанъ Новиковъ, подбѣжали моряки, остальныхъ не разглядѣлъ. Когда мы приподняли Государя, оказалось: ноги совѣмъ голыя, мясо виситъ клочьями, ступня одной ноги совѣмъ оторвана. „Новое Время“, съ словъ штабсъ-капитана кадроваго батальона лейбъ-гвардіи резервнаго пѣхотнаго полка Новикова, который несъ раненаго Государя, передаетъ слѣдующее:

„На разводѣ были именно батальонъ л.-гв. резервнаго пѣхотнаго полка и л.-гв. саперный батальонъ. Государь былъ доволенъ разводомъ и находился, повидимому, въ хорошемъ настроеніи. Г. Новиковъ съ двумя товарищами изъ манежа пошли по Невскому проспекту. Подойдя къ Казанскому мосту, они услышали сильный выстрѣлъ. Г. Новиковъ, не отдавая себѣ отчета въ томъ, что дѣлаетъ, бросился бѣжать по набережной Екатерининскаго канала къ тому мѣсту, откуда послышался выстрѣлъ.

Ему оставалось шаговъ 30—35 до мѣста, гдѣ видѣлась группа людей, какъ поднялся густой столбъ снѣга и обломковъ и раздался новый выстрѣлъ. Онъ еще быстрее побѣжалъ. Матросы 8-го флотскаго экипажа держали какого-то человѣка и что-то крикнули, но онъ не слышалъ что. Снѣгъ былъ взрытъ, усѣянъ осколками и ранеными. Лежалъ убитый мальчикъ, раненый конвой-

ный, еще кто-то потуть же на снѣгу Государь, безъ шапки, безъ шинели, въ мундирѣ л.-гв. сапернаго батальона. Ноги были изломаны, одежда мѣстами изорвана; кровь текла изъ ногъ и кровавыя пятна были на снѣгу. Г. Новиковъ заплакалъ и бросился къ Государю со словами: „Боже мой, что сдѣлали съ Вашимъ Величествомъ!“ Государь лежалъ недвижимо. Подошли матросы флотскаго экипажа и съ ихъ помощью г. Новиковъ поднималъ Государя, обхвативъ правою рукою по талии и лѣвою по груди; матросы поддерживали ноги, не выпуская изъ руки ружей, съ которыми они шли. Такъ прошли нѣсколько шаговъ, и Государь сказалъ раза два: „Холодно, холодно“ и старался поднять руку ко лбу, на которомъ была кровь. Г. Новиковъ поддерживалъ Государя на одной рукѣ, а другою доставалъ платокъ изъ кармана, чтобъ обвязать имъ голову Государя. Въ это самое время подъѣхалъ великій князь Михаилъ Николаевичъ. „Саша, какъ ты себя чувствуешь?“ — сказалъ онъ, наклонясь къ лицу Государя. Что сказалъ Государь въ отвѣтъ — трудно было разслышать, но онъ что-то сказалъ. Ни одного стога не вырвалось у него изъ груди. Великій князь велѣлъ матросамъ бросить ружья и, снявъ съ кого-то фуражку, надѣлъ ее на голову Государя. Его понесли дальше. Народъ собирался со всѣхъ сторонъ. Многие падали на колѣни, крестились, кланялись до земли, плакали на взрыдъ... Положить негдѣ было страдальца. Лошади полковника Дворжицкаго, въ испугѣ отъ выстрѣла, бросились къ Театральному мосту и штабсъ-капитанъ кадроваго батальона Франкъ побѣжалъ за ними. Возлѣ стояли извозничьи сани, но на нихъ трудно было вести раненаго. Г. Новиковъ обратился къ великому князю съ просьбою — разрѣшить внести Государя въ домъ, находившійся тотчасъ за мостомъ, чтобы сдѣлать перевязку. Государь очевидно не терялъ сознанія при страшныхъ страданіяхъ: услышавъ эту фразу, онъ произнесъ внятно: „Несите во дворецъ. Тамъ сумею ретъ...“ и еще что-то, что трудно было разобрать. Эти слова

были послѣднимъ усиленіемъ страдальца. Онъ сомкнулъ уста, за-
крылъ глаза и не произнесъ болѣе ни слова.

Подъѣхали лошади отъ Дворжицкаго. Государя посадили въ
сани. Съ обѣихъ сторонъ Его поддерживали. Онъ всидѣлъ облокотив-
шись, закидывая или опуская голову. Сначала обѣхали спатомъ.
Но силы Государя оставляли Его. Приказано было вѣхать быстро,
сани понеслись по набережной Мойки, черезъ Конюшенный мостъ,
въ Мошковъ переулокъ, по Большой Милліонной. Народъ обѣжалъ
вслѣдъ, крича и суетясь, останавливаясь, спрашивая, недоумѣ-
вая и плача, творя крестное знаменіе.

Государь былъ внесенъ во дворецъ, около Холла въ С.-Петербургѣ. Въ дѣмоствѣхъ напечатано слѣдующее опи-
саніе послѣднихъ минутъ въ Бозѣ почившаго Императора:

Послѣ приближенія къ Зимнему дворцу, Государь потерялъ
сознаніе отъ потери крови, которая сочилась изъ оборванныхъ му-
скуловъ обѣихъ голени. Эти мускулы составляли единственную
связь между стопою и колѣнами обѣихъ ногъ, ибо кости голени
были раздроблены и вышиблены взрывомъ.

Доктора Круглевскій, хирургъ Его Величества, и Маркусъ
явились первыми и произвели немедленно прижатіе обѣдренныхъ
артерій. Докторъ Дворянинъ, врачъ 4 стрѣлковаго баталіона им-
ператорской фамиліи, находившійся случайно въ зданіи окружнаго
штаба, услышавъ крики о томъ, что Государь раненъ, бросился
во дворецъ и въ дверяхъ кабинета Его Величества встрѣтилъ
доктора Круглевскаго. „Скорѣе привезите ампутаціонный и резек-
ціонный наборъ“, сказалъ ему Круглевскій. Дворянинъ бросился
за инструментами въ квартиру доктора Круглевскаго и черезъ 5
минутъ былъ обратно во дворецъ. Боткинъ былъ уже при Его
Велиествѣ и съ величайшимъ вниманіемъ производилъ выслуши-
ваніе ударовъ сердца. Изъ привезеннаго набора каучуковый бинтъ
немедленно былъ наложенъ на правую ногу выше колѣна, причемъ
доктора старались сохранить всю оставшуюся въ оборванныхъ ча-
стяхъ тѣла кровь и отдавить ее по направленію къ сердцу. За-

тѣмъ наложенъ былъ каучуковый жгутъ, а бинтъ снять, чтобы повторить ту же операцію и на лѣвой ногѣ. Дабы уэкономить кровь для питанія мозга, рѣшено было наложить бинтъ и на правую руку. Когда докторъ Дворяшинъ снялъ окровавленную перчатку съ правой руки Государя, то оказалось, что на рукѣ было нѣсколько кровавыхъ подтековъ съ ожогомъ, и обручальное кольцо было совершенно сплюснуто спереди. Произведено было бинтованіе и докторъ Боткинъ сказалъ, что сердечные тоны становятся яснѣе. Появилось глотательное движеніе и дыханіе стало глубже. Государь пріоткрылъ нѣсколько глаза. Подъ вліяніемъ впрыскиванія сѣрнокислымъ эфиромъ и водой со льдомъ, при накачиваніи изъ баллонна кислорода, дыханіе стало восстанавливаться. Этимъ моментомъ воспользовался духовникъ Его Величества протопресвитеръ Бажановъ и пріобщилъ Его Величество Святыхъ Таинъ. Сцена была въ высшей степени трогательная и умиленная. Казалось, надежды воскресли. Тотчасъ же помчались въ конюшенный госпиталь за снарядомъ для переливанія крови, но... судьба судила иначе... Всѣ старанія докторовъ, всѣ усилія, вся любовь и мольбы членовъ императорскаго дома остались тщетными. С. П. Боткинъ сталъ замѣчать постепенное ослабленіе сердечныхъ тоновъ, дыханіе сдѣлалось поверхностное, чѣмъ далѣе, тѣмъ рѣже и рѣже и наконецъ въ 3 часа и 35 минутъ пополудни дыханіе совсѣмъ замерло и Государь Императоръ Александръ II, Освободитель народа и другъ человѣчества... отошелъ въ вѣчность!...

ВОСШЕСТВІЕ НА ПРЕСТОЛЬ ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА III

Въ „Правит. Вѣст.“ напечатано: 2-го марта, къ часу пополудни, выше государственные чины и всѣ, находящіеся въ Петербургѣ и его ближайшихъ окрестностяхъ, генералы, штабъ-и оберъ-офицеры, собрались въ залахъ Зимняго дворца для принятія присяги и принесенія поздравленій Ихъ Императорскимъ Величествамъ, по случаю вступленія на Престоль Государя Императора Александра Александровича.

Въ часъ по полудни Ихъ Императорскія Величества, въ сопровожденіи Государя Наслѣдника Цесаревича и Членовъ Императорской Фамиліи, изволили выйти изъ внутреннихъ покоевъ. Остановясь въ Николаевской залѣ у караула отъ кавалергардскаго полка, Государь Императоръ изволилъ обратиться къ находившимся тутъ генераламъ и офицерамъ съ многознаменательными словами, въ которыхъ, передавъ имъ, отъ Имени въ Бозѣ почившаго Государя Императора, признательность за вѣрную службу, Его Величество изволилъ выразить, что Онъ, принявъ наслѣдіе, въ столь тяжелую минуту, будетъ служить Россіи и ея благоденствію и надѣется заслужить ея любовь, а также увѣренъ, что войска будутъ служить Его Величеству и Его Наслѣднику съ тѣми же вѣрностію и усердіемъ, съ какими они служили покойному Государю. Въ заключеніе Его Величество еще разъ изволилъ передать войскамъ благодарность за службу отъ Имени Своего покойнаго Родителя.

Эти милостивыя слова Государя Императора, высказанныя Его Величествомъ подъ давленіемъ удручавшей Его скорби, вызвали со стороны прослезившихся присутствовавшихъ общій, сердечный крикъ „ура!“ Провожаемыя восторженными привѣтствіями, Ихъ Императорскія Величества изволили направиться къ дворцовому собору. По прочтеніи министромъ юстиціи Высочайшаго манифеста, была принесена присяга Государю Императору и Его Наслѣднику Членами Императорской Фамиліи, высшими государственными чинами, генералами и офицерами; затѣмъ, провозглашено было многолѣтіе Государю Императору, причемъ изъ крѣпости былъ сдѣланъ салютъ въ 101 выстрѣль. Принявъ поздравленіе отъ Членовъ Императорской Фамиліи, Ихъ Императорскія Величества изволили, тѣмъ же порядкомъ, направиться обратно, встречаясь по пути Ихъ слѣдованія самыми восторженными выраженіями вѣрноподданическихъ чувствъ со стороны собравшихся.

Государь Императоръ, вступивъ въ залы, гдѣ находились члены Государственнаго Совѣта, Сенатъ и Свита Его Величества,

изволилъ имъ выразить Именемъ въ Бозѣ почившаго Государя признательность за ихъ службу и увѣренность въ томъ, что Онъ встрѣтитъ съ ихъ стороны такое же довѣріе, какимъ пользовался Его покойный Родитель. Обратясь къ чинамъ Свиты, Государь Императоръ изволилъ имъ объявить, что Онъ оставляетъ ихъ при Своей Особѣ.

Затѣмъ Ихъ Императорскія Величества изволили направиться въ внутренніе покои.

Слово въ день восшествія на Всероссійскій престолъ Благочестивѣйшаго Государя Императора Александра Николаевича, произнесенное въ Новочеркасскомъ кафедральномъ соборѣ 19 февраля 1881 г. и. д. ректора семинаріи, архимандритомъ Меодіемъ.

И азъ первенца положу съ высокая чаче царей земныхъ. Въ вѣкъ сохраню ему милость мою и заветъ мой въреть ему (Псал. 88, 28—29).

Во дни древности, одинъ народъ (Франки), по избраніи царя, подъемля его, при звукѣ трубъ, на воинскихъ щитахъ, обносили на своихъ раменахъ вокругъ стана: знаменіе—высокаго назначенія, достоинства царей и преданности народа.

Россія, благословенное отечество наше, при столь священномъ соборіи, руководствуется не одними внѣшними обрядами,—не на щитахъ возноситъ Богоизбранныхъ царей на престолъ самодержавія, и не звукомъ трубъ, но пламенною молитвою сопровождаетъ ихъ восшествіе на высоту предержавшей власти и ограждаетъ оплотомъ, твердѣйшимъ оружіемъ—любовію сердечной. По такому побужденію и мы, сыны Россіи, собрались нынѣ въ семь святомъ храмѣ, чтобы вмѣстѣ съ церковію и отечествомъ торжествовать день радостнѣйшаго восшествія на Всероссійскій престолъ благочестивѣйшаго Государя нашего Императора Александра Николаевича. Нынѣ жезлъ правленія обширнѣйшаго въ мірѣ царства исходилъ изъ десницы Царя царствующихъ и ввѣрялся рукѣ Богоизбраннаго Самодержца нашего, и мы въ настоящій день съ душевнымъ восторгомъ достойно и праведно можемъ усвоить Ему отъ лица Божія завѣтъ, который изреченъ Самимъ Богомъ о Давидѣ:

и *Азъ первенца положу его висока паче царейъ земныхъ. Въ вѣкъ сохраню ему милость мою и завѣтъ мой вѣренъ ему.* Этотъ завѣтъ, исполнившійся надъ домомъ Давидовымъ, исполняется и на Августѣйшемъ домѣ Благочестивѣйшаго Монарха нашего, на которомъ почиваетъ благословеніе Божіе. Ибо что зримъ?.. Долгоденствіе есть первый плодъ благословенія Божія: и вотъ уже болѣе четверти вѣка, какъ Господь благоволилъ возвести на прародительскій престолъ, для блага нашего, Вѣнценосца, столь мудраго и благосердаго, каковъ по истинѣ Благочестивѣйшій Монархъ нашъ, какъ Онъ обильно изливаетъ на Царя милость свою, внушаетъ различныя полезныя учрежденія и помогаетъ преодолевать препятствія. И сколько отъ престола Его излилось уже на насъ Его Монаршихъ щедротъ! Сколько въ Его царствованіе совершено великихъ дѣлъ, сколько сдѣлано благотворныхъ преобразованій къ возвеличенію во всѣхъ отношеніяхъ нашего дорогаго отечества! Но нѣтъ нужды говорить о томъ, что очевидно для всѣхъ. Благодѣянія настоящаго благословеннаго Богомъ царствованія начертаны неизгладимыми письменами на скрижаляхъ сердца каждаго истиннаго сына Россіи!.. Благословеніе ли въ родѣ зрѣть хотите? Но родъ его благословляется и процвѣтаетъ, яко древо насажденное при исходѣщахъ водахъ. Славу ли во языцѣхъ пожелаете видѣть? Но имя Его славно у всѣхъ народовъ и престолъ Его поставленъ паче царейъ земныхъ. Не только родственныя намъ по вѣрѣ и языку славянскія племена, но и чуждые народы, безпристрастно судящіе о дѣйствіяхъ Государи нашего, называютъ Его благодѣтельнѣйшимъ Монархомъ, утѣшителемъ и другомъ человѣчества. Видимое ли надъ нимъ покровительство Божіе и заступленіе отъ враговъ угодное видѣть кому? Но мы, уповая на Господа, заступающаго его среди святотатственныхъ покушеній на драгоцѣнную жизнь Его, смѣло можемъ сказать вмѣстѣ съ Давидомъ, что *ничтоже успѣетъ врагъ на него и сынъ беззаконія не приложитъ озлобити его; ибо рука Господня заступитъ его, и мышца Господня укрѣпитъ его* (Псал. 88, 23. 22). О! какъ сладокъ долгъ молитвы о такомъ царѣ. О, если бы мы могли вознестись на такую высоту, съ которой можно было обозрѣть все пространство Россіи, владѣющей девятою частію міра, отъ береговъ восточнаго океана до предѣловъ западнаго, отъ льдовъ сѣвера до цвѣтущаго юга, какое представилось бы намъ величественное зрѣлище! Около восьмидесяти миллі-

оповѣ благоговѣнно преклоняютъ вынѣ колѣна предъ алтарями Всевышняго! Отъ разныхъ племенъ, разными языками, но единымъ сердцемъ и устами возносится жертва хвалы и благодаренія Царю царствующихъ за всѣ безпредѣльныя милости, какія Онъ удивилъ на насъ, оправдавъ царствовать надъ нами раба своего — Благочестивѣйшаго Государи нашего, величайшаго благодѣтеля и отца. Общи чувства, всѣ радостныя привѣтствія на сушѣ и морѣ, подобно гласу воды многиѣ, сливаются въ одинъ молитвенный гласъ: „да живетъ царь!“ Но при этомъ мы должны помнить, что исполненіе сего благаго желанія зависитъ и отъ насъ самихъ, вотъ того, сколько и какъ мы сами будемъ достойны продолженія надъ нами такой великой милости; поему никогда не должны забывать своей обязанности благочестіемъ и правдою облегчать для Самодержца тяжесть его великаго служенія, и вастоящій день долженъ быть днемъ повторенія обѣтовъ вѣрности, возобновленія твердой рѣшимости жить и дѣйствовать для цари и отечества. Дѣйствованіе Монарха для блага народа тогда только становится успешнымъ, когда всѣ подвластные, въ каждый возможный для него образомъ, каждый въ своей мѣрѣ, въ своемъ званіи и мѣстѣ, стараются содѣйствовать ему. Истина достойная вниманія, что *се кости твоя и плоть твоя есмь мы* (2 Цар. 5, 1), говорили племена Израилевы царю Давиду, собравшись къ нему въ Хевронѣ, когда онъ воцарился надъ всѣмъ Израилемъ. Какъ прекрасно они выразили въ сихъ словахъ взаимное отношеніе между царемъ и подданными. *Се кости твоя и плоть твоя есмь*: это значитъ, что государство есть какъ бы великое дѣло; кости и плоть — народъ, а глава, душа, жизнь народа — это царь, коимъ все тѣло государственное живетъ, дѣйствуетъ, связуется въ единое цѣлое, управляется въ стройномъ порядкѣ и направляется вѣрно къ своему пресиѣнію и благу временному. *Се кости твоя и плоть твоя есмь*, — вознесемъ въ настоящія минуты и мы къ Августѣйшему Монарху нашему и будемъ всегда возносить къ престолу Его души наши съ сими же словами, мыслями и чувствованіями. Земной царь столько же необходимъ для государства, сколько душа для тѣла. Дотолѣ тѣлесный составъ нашъ цвѣтетъ здравіемъ, и дѣйствуетъ правильно и стройно, доколѣ оживляетъ его живой духъ, доколѣ управляетъ имъ здравый умъ. Тогда только возможно правильное движеніе и во всѣхъ членахъ политическаго тѣла, когда есть у

него глава, двоторая, сосредоточивая въ себѣ жизнь и силы, распространяетъ ихъ по всему тѣлу, приводить въ стройное и согласное движеніе всѣ члены. Эта жизненная глава народа есть Богоизбранный царь. Посему-то, какъ каждый членъ тѣла долженъ повиноваться душѣ, такъ и всѣ члены государства, отъ низшихъ до высшихъ, должны повиноваться высочайшей волѣ Государя. Будемъ же, прежде всего, съ благоговѣніемъ почитать Богоизбраннаго Монарха нашего и съ любовію повиноваться Ему, *яко преобладающую*, имѣть искреннее, всецѣлое довѣріе ко всѣмъ Его повелѣніямъ и узаконеніямъ, и не позволяя себѣ никакихъ ложныхъ толкованій, предположеній, и тѣмъ болѣе какихъ либо отступленій. Во-вторыхъ, будемъ дружны, единодушнымъ союзомъ содѣйствовать Монарху нашему въ благоустроеніи общественной жизни. Государство есть многосложное общество, котораго разнообразная дѣятельность, управляемая верховною властію и законами, должна стройно направляться къ одной главной цѣли—общему благу. По причинѣ различія воспитанія, образа жизни, рода занятій, естественно происходятъ въ многочисленномъ обществѣ различныя мнѣнія о событіяхъ, неодинаковыя рѣшенія вопросовъ относительно жизни общественной и различныя стремленія. Отъ различія во мнѣніяхъ легко могутъ произойти распри и раздѣленія, столь вредныя для государственнаго благосостоянія. Какимъ же способомъ лучше и благонадежнѣе могутъ бытъ согласены желанія и выгоды многочисленныхъ и разнохарактерныхъ членовъ государства? Добросовѣстнымъ прохожденіемъ должностей и исполненіемъ обязанностей, лежащихъ на членахъ общества. Это священныи долгъ каждаго вѣрноподданнаго, въ какомъ бы званіи онъ ни находился, и какія бы обязанности не лежали на немъ. Принявъ на себя извѣстныя обязанности въ обществѣ, при исполненіи ихъ мы не должны обнаруживать колебаній между долгомъ и противоположными ему влеченіями, какъ хотятъ ревнители ложной свободы и мечтательнаго равенства, ревнители, которые, стремясь къ испроверженію законной власти и общественнаго порядка, ищутъ не блага общаго, а своихъ личныхъ выгодъ; но должны усердно и въ точности исполнять свои обязанности, *якоже раба Христовы, творяще волю Божию отъ души* (Ефес. 6, 6), должны съ твердостію и неуклонно идти по пути долга, избѣгая сословныхъ предразсудковъ, сознавая въ каждомъ общественномъ учрежденіи необходимую ступень лѣстви-

цы государственнаго строя, уважалъ въ каждомъ человѣкѣ своего брата и равноправнаго гражданина одной родной земли русской, на каждомъ поприщѣ, къ которому кто призванъ, честно, безкорыстно во имя общаго блага, а не своихъ видовъ, сообща и не подкупно преслѣдовать, въ духѣ законоположеній страны, общественное зло, матеріальное и нравственное, въ словѣ и дѣлѣ, въ судахъ и торговлѣ, среди воиновъ и мирныхъ жителей, въ богатомъ и бѣдномъ, словомъ: вездѣ, всегда и все то, что задерживаетъ правильное, по идеѣ святой вѣры и законности, развитіе общества и его благосостояніе. Ибо несомнѣнно, что благоденствіе частное возможно только тамъ, гдѣ уважается, развивается и утверждается благо общее. Это такъ ясно, что не требуетъ доказательствъ.

Наконецъ, мы должны, какъ истинные христіане, вести себя по христіански, а не по своему мудрованію, должны жить по ученію св. Евангелія и по уставамъ православной церкви, чтобы преспѣвать въ благочестіи и чистотѣ, которыя, составляя нашъ долгъ, вмѣстѣ съ тѣмъ служатъ самымъ надежнымъ средствомъ къ достиженію благоденствія отечества и къ сохраненію твердости престола. И въ мірѣ физическомъ что посеяно, то и пожинаютъ; тоже самое и въ мірѣ нравственномъ: посеешь благочестіе и правду, пожнешь благословеніе и благополучіе; посеешь нечестіе и неправду, пожнешь бѣдствіе и гибель. Эту истину также, кажется, не нужно доказывать. Слово Божіе учитъ, что благочестіе, обладая несомнѣнными залогами временныхъ и вѣчныхъ благъ, одно имѣетъ силу устроить и благосостояніе гражданскихъ обществъ и что тихая и безмолвная жизнь въ обществѣ возможна только тамъ, гдѣ глава и всѣ члены общества оживлены духомъ благочестія, гдѣ страхъ Божій и благочестивые нравы и обычаи предковъ составляютъ неотъемлемое и лучшее достояніе. Объятый духомъ Божіимъ царь-пророкъ Давидъ, обративъ взоръ на своихъ подданныхъ, воскликнулъ: *благженъ языкъ, ему же есть Господь Богъ его, люди, яже избра въ наслѣдіе себѣ* (Псал. 32, 12). *Въ благословеніи правыхъ возвысится градъ* (Притч. 11, 11), говоритъ премудрый сынъ его Соломонъ. *Благочестіе на все полезно есть, обитованіе имѣющее живота нынѣшняго и грядущаго* (1 Тим. 4, 8), говоритъ св. Павелъ. Онъ же поставляетъ одною изъ существенныхъ обязанностей христіанскихъ „молитву за царя и другія богопоставленныя власти для того, чтобы проводить жизнь тихую и безмятежную во всякомъ благочестіи и чистотѣ“ (1 Тим. 2, 1—2). Великъ,

славенъ тотъ народъ, который ограждаетъ себя не одною силою оружія, но и силою молитвъ о царѣ, преданностію святой вѣры, любовью къ царю и ревностію ко благу отечества. Такой народъ съ такимъ сердцемъ и душою, созидая свое благо на неизблемыхъ вѣчныхъ основахъ, совершаетъ свое теченіе непоколебимо и благоденствуетъ въ своей жизни и дѣятельности. Кто не знаетъ, рожденіе, что благословенное отечество наше, искони отличавшееся высокою добродѣтельною царелюбію и ревностію къ православною вѣрѣ и благочестію, не разъ совершало такія великія дѣла, которыми составляютъ самыя блестящія страницы въ нашей исторіи. Оно побѣждало царствія, угашало силу огненную, было крѣпко во бранехъ, обращало въ бѣгство полки чуждыхъ, сокрушало тьмочисленныхъ враговъ своихъ. Пусть другіе видятъ въ этихъ дѣлахъ царства русскаго дѣйствіе прогресса, плоды цивилизаціи, но мы усматриваемъ въ нихъ главныхъ образомъ плоды вѣры и благочестія христіанскаго, которыми проникнуты сердца сыновъ Россіи. И когда добродѣтель каждаго вѣроподданнаго будетъ служить какъ бы щитомъ для царства, тогда чего не можетъ совершить царь, управляющій людьми, преданными престолу и отечеству, за вѣру и правду готовыми идти на всякую опасность? Какое зло не распадется и не уничтожится при подножьи того престола, у котораго стоятъ на стражѣ молитвы и добродѣтели народныя? Благословенно царство, гдѣ царь подданныхъ есть отецъ отечества, своего гдѣ престоль царя-отца утверждается въ сердцахъ сыновъ подданныхъ!

Намъ, сыны Россіи, принадлежитъ счастливый жребій радоваться о царѣ своемъ, въ лицѣ котораго царствуетъ надъ нами благодать, кротость, правда, отеческая заботливость о благѣ даже послѣдняго изъ подданныхъ Его. Это чувство радости внушаетъ намъ сладкій долъ — быть достойными подданными Великаго Царя нашего, не падать нашихъ трудовъ и самой жизни въ прохожденіи нашихъ обязанностей, быть ревностными ко благу общества, усердными къ престолу, тщательными исполнителями Высочайшей воли. Что же намъ теперь еще остается привести на алтарь отечества для счастья и благоденствія его, въ настоящій торжественный день? Намъ, слушатели, остается положить въ сердцахъ своихъ хранить истинную вѣру, благочестіемъ, правдою и ревностію ко благу общественному созидать и укрѣплять благоденствіе отечества, вѣроподданническою готовностію и доступными намъ мѣрами облегчать царственное бремя и всегда молиться съ усердіемъ, изъ глубины души, да пробавитъ Царь царствующихъ милости свои на насъ, да хранитъ Всенцеснаго Виновника счастья Россіи — возлюбленнаго Монарха нашего подъ крономъ своимъ въ совершенномъ здравіи и благоденствіи и да поможетъ Ему успѣшно совершить всѣ Его дѣла и намѣренія для нашего общаго блага и счастья. Аминь.

Поученіе противъ раскольническихъ нареканій на православіе русской церкви.

Въ настоящемъ собесѣдованіи съ вами, православные, мы займемся разсмотрѣніемъ раскольническихъ нареканій исключительно на православіе нашей россійской церкви. Поводомъ къ нареканіямъ на православіе нашей отечественной церкви послужило, какъ извѣстно, исправленіе патріархомъ Никономъ церковно-богослужебныхъ книгъ. Относительно этихъ исправленій раскольники обыкновенно говорятъ, что церковнобогослужебныя книги не слѣдовало исправлять, а если и нужно было сдѣлать какія нибудь исправленія, то отнюдь не такъ, какъ сдѣлано это Никономъ, который будто бы внесъ въ богослужебныя книги разныя новшества и ереси и чрезъ это святую православную вѣру порушилъ, т. е. уничтожилъ, такъ что не осталось и слѣдовъ православія въ русской церкви. Таковъ отзывъ раскольниковъ о нашей русской церкви. На сколько же онъ вѣренъ? Раскольники говорятъ, будто церковнобогослужебныя книги не слѣдовало исправлять, потому что онѣ были вѣрны. По старымъ книгамъ, говорятъ раскольники, угодили Господу Богу и спаслися многіе святые отцы и чудотворцы. Но изъ того, что по старымъ книгамъ спаслись многіе св. отцы, вовсе не слѣдуетъ, что книги были вѣрны и что ихъ исправлять было не нужно, потому что если многіе святые отцы и чудотворцы спаслись въ то время, когда были въ употребленіи уважаемыя раскольниками книги, то спаслись не самими тѣми книгами, а вѣрою и богоугоднымъ житіемъ, ибо иные изъ нихъ и читать не умѣли, а совершали только краткія молитвы изустно. При томъ, ежели бы спасеніе зависѣло отъ древнихъ книгъ, то заключилось бы оно купно въ описяхъ и погрѣшностяхъ книжныхъ, чего однако же допустить ни какъ не возможно. Это слова не мои, но одной православной книги (облич. непр. расколн. листъ 130, 133 и 134). Итакъ, то обстоятельство, что въ древней русской церкви были многіе св.

отцы и чудотворцы отнюдь не ругаются за вѣрность и исправность церковнобогослужебныхъ книгъ, бывшихъ тогда въ употребленіи. Отрицая необходимость исправленія церковнобогослужебныхъ книгъ Никономъ, раскольники упускаютъ изъ виду то, что самыя старопечатныя, уважаемая ими, книги всѣ тогда признаются въ своей неисправности. Въ Трїоди, напр. постной, печатанной при патріархѣ Іовѣ въ концѣ послѣсловія на послѣднемъ листѣ пишется: сія богедоховенная книга Трїоды напечатана труды и тщаніемъ мастера Андроника Тимофеева сына Невѣжи: аще что кому помнится въ ней не потребна и вы ради Бога сами исправляйте совѣтомъ священнаго собора, елико васъ наставитъ святой Параклитъ, а насъ ради Бога благословите, а не кляните, понеже трудолюбствова челоувкъ грѣшенъ и писа рука берина, якоже и прочіи не наказаннии. Въ служебникѣ, печатанномъ при томъ же патріархѣ, въ послѣсловіи въ тетради 54 и на оборотѣ 2 листа пишется: „и иже въ нихъ гранесахъ недовѣдѣ и вы добрѣ и съ тихостію исправляйте“. Такихъ и подобныхъ симъ примѣровъ признаніи старопечатныхъ книгъ въ своей неисправности можно находить почти въ любой изъ нихъ. Въ виду этихъ, ничѣмъ неопровержимыхъ, доказательствъ поврежденности древнихъ церковнослужебныхъ книгъ, нѣкоторые изъ раскольниковъ, по необходимости, признаются, что въ уважаемыхъ ими книгахъ есть нѣкая разнства, но утверждаютъ, что эти разнства не важныя, позволительныя. На это мы должны отвѣтить раскольникамъ, что въ старопечатныхъ богослужебныхъ книгахъ есть не нѣкая только разнства, а цѣлыя чины и части чиновъ, которые были, или не были напечатаны въ кнѣгахъ при одномъ патріархѣ, но потомъ отложены, или прибавлены при другомъ. Напр. въ служебникѣ Іовлевскомъ положено больныхъ младенцевъ крестить въ теплой водѣ чрезъ обливаніе, въ служебникахъ и требникахъ послѣдующихъ патріарховъ обливаніе рѣшительно было запрещено и повелѣвается крестить чрезъ троекратное погруженіе. Въ требникѣ Филаретов-

скомъ въ положенъ особъ чинъ погребенія священническаго и а въ
 требникѣ Иосафовскомъ (этотъ чинъ отмѣненъ, какъ еретическій
 и прочіи Развѣртіи и подобныя симъ разнства могутъ быть тер-
 пимы въ церковнобогослужебныхъ книгахъ?) Развѣ можно было
 оставлять безъ исправленія такія несообразности? Къ этому нуж-
 но прибавить еще то, что и у восточныхъ патріархи неоднократно
 напоминали нашимъ іерархамъ о необходимости исправить церковно-
 богослужебныя книги и иносрѣдскіе іерархи, и далеко до патріарха
 Никона, много разъ принимались за дѣло исправленія книгъ, но
 по обстоятельствомъ времени не могли исполнить этого какъ бы
 слѣдовало. Отъ этого и при нихъ изданныя книги полны также
 ошибокъ и поврежденій. Все это какъ бы само собою вызвало
 послѣдующихъ іерарховъ нашей церкви заняться церковнобогослу-
 жебными книгами, и очистить ихъ отъ поврежденій и исправить
 такъ, чтобы послѣ уже никогда они не требовали исправленія.
 Это великое дѣло и вышло на долю Всероссійскаго патріарха
 Никона. Какъ же онъ выполнилъ дѣло исправленія церковнобо-
 гослужебныхъ книгъ? Онъ шившись исправить церковнобогослужеб-
 ныя книги, патріархъ Никонъ сообщилъ объ этомъ намѣреніи
 царю Алексію Михайловичу, и объявилъ восточнымъ патріархамъ
 и Московскому собору, и тогда нарочито собраннымъ въ Москвѣ
 представителямъ высшаго русскаго духовенства и когда уже всѣ
 и царь, и восточные патріархи и Московскій соборъ единодушно
 изъявили на это свое согласіе, А Никонъ приступилъ къ дѣлу.
 Онъ послалъ по древнимъ церквамъ и монастырямъ распоряже-
 ніе, чтобы немедленно были представляемы къ нему всѣ самыя
 древніе славянскіе или греческіе списки церковнобогослужебныхъ
 книгъ, и дѣ только таковыя окажутся, отправилъ одного инокъ на
 Афонъ, чтобы онъ, не щадя казны, купилъ тамъ, какія только
 найдутся самыя древнія церковнобогослужебныя книги и когда
 такимъ образомъ собраны были самыя древніе списки книгъ, изъ
 коихъ нѣкоторые восходили за 500, 600 и даже за 1000
 лѣтъ, онъ избралъ знатоковъ греческаго и славянскаго языковъ и

имъ поручилъ сличать бывшія въ употребленіи церковныя книги съ древнѣйшими списками ихъ и что окажется въ нихъ несогласнаго съ сими послѣдними, исправить. Исправленныя книги предлагались обыкновенно собору, въ который повѣрялъ самыхъ справщиковъ; и когда уже соборъ находилъ исправленныя книги вѣрными, Никонъ выдавалъ для употребленія въ церквахъ. Такъ происходило исправленіе церковнобогослужебныхъ книгъ, начатое патриархомъ Никономъ. Можно ли было поступить предусмотрительнѣе и лучше, чѣмъ поступилъ патриархъ Никонъ, въ этомъ великомъ дѣлѣ, каково исправленіе церковныхъ книгъ? Патриархъ Никонъ въ этомъ отношеніи поступилъ такъ разсудительно, какъ не поступилъ ни одинъ изъ его предшественниковъ. Въ этомъ дѣлѣ онъ, не смотря на то, что не получилъ особеннаго образованія, показалъ въ себѣ умъ гораздо высшій ума своихъ современниковъ и, слѣдовательно, умъ не безъ просвѣщенія свыше. Что же въ исправленіи книгъ, предпринятомъ п. Никономъ, слѣдано не такъ, какъ бы слѣдовало? Раскольники говорятъ, что Никонъ, исправляя книги, ввелъ въ нихъ разныя ереси и новшества и чрезъ это святую православную вѣру, въ коей угодили Господу Богу святыя отцы и чудотворцы порушилъ, т. е. уничтожилъ такъ, что не осталось теперь и слѣда православія въ русской церкви. Въ слѣдующій разъ мы будемъ, православные, бесѣдовать о томъ, насколько ложно это мнѣніе относительно испорченности новыхъ книгъ. А теперь возблагодаримъ Господа Бога за то, что Онъ, милосердый, сподобилъ насъ родиться въ нѣдрахъ святой православной церкви и воспитываться подъ руководствомъ ея Божественныхъ законовъ. Помолимся и о просвѣщеніи ума и сердца заблуждающихся братьевъ нашихъ, чтобы и ихъ сподобилъ Господь единими съ нами усты и единымъ сердцемъ славить и воспѣвать всечестное и великолѣпное имя Отца и Сына и Св. Духа. Аминь.

РЕЛИГИЯ ВЪ НАРОДНОЙ ШКОЛѢ.

Е. Маркова. („Русская Рѣчь“, январь, 1881 г.).

Въ настоящую пору свѣтская литература не мало удѣляетъ своего вниманія церковно-общественнымъ и религіозно-нравственнымъ предметамъ, такъ что, если бы по количеству посвященныхъ этимъ вопросамъ статей можно было судить о господствующемъ направленіи всего современнаго общества, то истинно вѣрующей христіаницѣ имѣлъ бы полное основаніе радоваться нынѣшнему „знаменію“ времени. Но не такъ, повидимому, выходитъ на дѣлѣ. Взоръ вѣрующаго можетъ даже омрачиться, лишь только онъ обратитъ вниманіе на причины замѣченнаго нынѣ въ литературѣ оживленія въ отношеніи къ вопросамъ изъ церковно-религіозной области. Онъ съ грустью можетъ замѣтить, что подобныя разсужденія вызываются неестественнымъ положеніемъ дѣлъ, — охлажденіемъ религіозныхъ потребностей и интересовъ въ обществѣ, по крайней мѣрѣ, въ огромномъ его большинствѣ, разладомъ между религіозно-нравственными требованіями и наличными практическими началами жизни. И это заявляютъ не только духовные журналы и газеты, но и весьма многіе почтенные свѣтскіе органы гласности. Представители того и другаго лагеря одинаково задаются вопросомъ — найти надежное средство къ „духовному оздоровленію“ всего нашего общества, къ пробужденію въ немъ религіознаго сознанія и чувства, покоющихся нынѣ непробуднымъ сномъ. И тогда какъ одни устремляютъ свои взоры вверхъ, на высшее и интеллигентное сословіе, другіе, наоборотъ, спускаются внизъ, переносятъ центръ тяжести въ народъ и его школу, призываютъ всѣ лучшія силы нашего общества „соединиться въ дружный союзъ, чтобы обезпечить нашему простому народу, пока еще время не ушло, правильное религіозно-нравственное воспитаніе“. Въ настоящій разъ мы и хотимъ указать на одну изъ попытокъ послѣдней категоріи, принадлежащую перу извѣстнаго публициста г. Маркова. Разумѣемъ его статью, помѣ-

ценную въ „Русской Рѣчи“ за январь мѣсяцъ текущаго года: „Религія въ народной школѣ“.

Въ своихъ разсужденіяхъ объ избранномъ предметѣ г. Марковъ выходитъ изъ вполне вѣрныхъ и неоспоримыхъ принциповъ, что 1) для просвѣщенія народа нужна серьезная и дѣйствительная школа и 2) что „лучшимъ условіемъ плодотворности и прочности воспитательнаго дѣла служитъ основаніе его на почвѣ религіозной нравственности“. Это такія аксіомы, которыя, по его справедливому мнѣнію, не требуютъ доказательствъ. Но иное дѣло — формы и пути, которыми школа должна проникаться религіозною нравственностью. Кому вручить дѣло воспитанія народа въ такомъ направленіи? Какія къ тому существуютъ средства и какъ ими правильно воспользоваться, чтобы достигнуть намѣченной цѣли? Подобные вопросы волнуютъ нашего автора и онъ усиленно стремится разрѣшить ихъ въ названной выше статьѣ.

Кажется, не трудно было бы отвѣтить на первый поставленный здѣсь вопросъ. Кому же другому предоставить религіозно-нравственное воспитаніе народа, какъ не тѣмъ, которые призваны „къ совершенію святыхъ, въ дѣло служенія спасенію“? Кому ближе и естественнѣе всего учить и врачевать немощи душевныя, какъ не тѣмъ признаннымъ учителямъ — пастырямъ, которымъ вѣрующіе вручаютъ свою совѣсть? Кому, какъ не врачамъ духовнымъ? Безспорно, что хорошій священникъ есть самый естественный и самый лучший учитель религіи и нравственности. Поэтому весьма понятно желаніе нѣкоторыхъ, чтобы духовенству было предоставлено большее сравнительно съ нынѣшнимъ вліяніе на народное образованіе (*). Но не такъ представляется г. Маркову. Онъ смотритъ черезъ увеличительное стекло на недостатки нашего духовенства, утрируетъ ихъ до неимовѣрныхъ размѣровъ и ни въ какомъ случаѣ не можетъ признать его „воплощеніемъ религіозной нравственности и органомъ, способнымъ привить къ народу привычки этой нравственности“. „Наше духовенство, гово-

(*) См. напр. „Правосл. Обзорніе 1880 г., за май мѣсяцъ.“

рять онъ, за нѣкоторыми, конечно, отрадными исключеніями, взятое, какъ цѣлое сословіе, какъ общій типъ, является представителемъ и проводникомъ въ народную массу не религіозно-правственныхъ истинъ и вкусовъ, а вѣшной механической обрядности, иногда чуждой самымъ основнымъ идеямъ христіанства. Наше грубое и полуязыческое духовенство, проходя само школу грубости и тупости, не вноситъ въ жизнь народа никакого духовнаго свѣта, не возвышаетъ сердца и мысли массъ отъ привычныхъ имъ матеріальныхъ интересовъ въ идеальныя области любви и правды“ (стр. 194). Мало того, онъ такими мрачными глазами смотритъ на духовенство, что и въ будущемъ не ожидать отъ него ничего лучшаго, такъ какъ, по его представленію, въ питомникахъ нашего духовенства—въ семинаріяхъ и духовныхъ училищахъ не осталось даже и „отдаленнаго намека на религіозно-правственныя начала“,—плоды же „бурсацкихъ вліяній“ извѣстны, это: „языческо-грубое отношеніе къ религіи, крайняя матеріальность взглядовъ и вкусовъ, схоластическое причуленіе ума, замѣна живою риторикою искренности чувства и правды знанія, наконецъ, униженіе въ себѣ человѣческаго достоинства“. Вотъ въ какихъ непривлекательныхъ краскахъ рисуется въ воображеніи нашего автора духовенство, это сословіе, не безъ основанія могущее гордиться своими историческими заслугами на поприщѣ народнаго просвѣщенія! Неужели, въ самомъ дѣлѣ, современной намъ духовенство стоитъ такъ низко въ нравственномъ отношеніи? Какъ жалки и несчастны мы, если наши представители и носители религіознаго міросозерцанія столь убоги и даже дики! Но не слышится ли скорѣе здѣсь голосъ полемики, выбивающейся изъ всѣхъ силъ, чтобы только отстоять свой взглядъ касательно необходимости освободить народную школу отъ опеки духовенства и вручить ее попеченію свѣтскаго учителя? Такъ, кажется, нѣтъ. „Мы сами бы“, говоритъ авторъ, „стояли за врученіе духовенству народной школы, если бы наше духовенство переродилось въ своихъ глубоко укорененныхъ свойствахъ, если

бы вмѣсто жреца православнаго капища, униженно звенящаго кошелькомъ и жадно обирающаго пироги, мы вдругъ увидѣли бы просвѣщеннаго наставника народа въ благочестивой жизни и благочестивыхъ помыслахъ. Но, не имѣя въ своихъ рукахъ возможности пересоздать существующія условія, мы можемъ обратиться къ тѣмъ молодымъ и новымъ силамъ общества, которыхъ будущее еще всецѣло зависитъ отъ насъ, которые еще не успѣли укоренить въ себѣ никакихъ качествъ, пренятствующихъ выполнению ими нравственно-воспитательной силы“ (стр. 194 — 195). Значить, по взгляду г. Маркова, все таки необходимо устранить духовенство, какъ о матеріализовавшееся въ своихъ стремленіяхъ и чуждое всякихъ высшихъ интересовъ, отъ вполне приличествующей ему миссіи — просвѣщенія народа, судьбу же народной школы онъ совѣтуетъ ввѣрить молодымъ силамъ, которыя еще ничѣмъ не успѣли обнаружить себя и о которыхъ, въ силу этого, нельзя пока ничего сказать, или, говоря иначе, онъ полагаетъ нужнымъ въ дѣлѣ религіозно-нравственнаго воспитанія народа замѣнить духовенство пока еще совершенно неизвѣстными лицами. И такимъ образомъ въ результатъ получается что-то непослѣдовательное и не совсѣмъ логичное. Не хорошо стало наше духовенство, почему бы не подумать о его обновленіи? Не хороши его питомники, почему бы не повести рѣчи объ ихъ улучшеніи? Кажется, вѣдь и это не маловажные вопросы и о нихъ стоитъ подумать (*). Но г. Маркову представляется за лучшее разрѣшить гордіевъ узелъ однимъ взмахомъ пера — изгнать духовенство изъ народной школы, не смотря на то, что самъ же онъ признаетъ священника естественнымъ проводникомъ религіозно-нравственныхъ идей, и самъ говоритъ, что „въ другихъ странахъ, особенно лютеранскихъ, есть готовая рать для проведенія религіозной нравственности въ школу — ихъ просвѣщенное духовенство“. Значить, только у насъ не такъ; какъ у другихъ людей, только

(*) Правда, и эти вопросы не забываются современной прессою (см. напр. вышедшіе ММ. „Руси“, „Востока“ и друг. за текущій годъ).

у насъ духовенство, какъ бы по установившемуся уже порядку, и темно и невѣжественно, почему и не можетъ имѣть просвѣтительнаго значенія для массъ, не смотря на всѣ реформы послѣдняго времени, предпринятыя къ его возвышенію и облагороженію, касающіяся какъ его быта вообще, такъ въ частности и разсадниковъ его образованія. Конечно, еще можно было бы мириться съ предлагаемою авторомъ мыслию, если бы онъ въ замѣнъ неудовлетворяющихъ своему назначенію руководителей воспитанія изъ духовенства указалъ намъ безспорный и вполнѣ компетентный, общепризнанный контингентъ лицъ, способныхъ удовлетворить своему назначенію; но этого-то мы и не видимъ: намъ предлагаютъ для религіозно-нравственнаго руководства народа лицъ, не только ничѣмъ себя не заявившихъ, но и такихъ, которыхъ еще нужно самихъ-то воспитать; значить, намъ совѣтуютъ удалить духовенство, а народъ оставить, хотя на время, безъ всякаго руководства. Невольно, право, усумнишься въ справедливости огульнаго порицанія нашего духовенства, „хотя бы и съ нѣкоторыми отпадлыми исключеніями“. Допустимъ даже, что въ отношеніи къ отдѣльнымъ единицамъ сказанное г. Марковымъ и справедливо, но спрашивается: неужели на этомъ основаніи можно такъ огульно чернить все наше духовенство, „взятое, какъ цѣлое сословіе, какъ общій типъ?“ И если бы почтенный авторъ хотѣлъ, чтобы его слова имѣли надлежащее значеніе въ глазахъ скептиковъ, были бы убѣдительны для людей съ противоположнымъ возрѣніемъ, то онъ, по меньшей мѣрѣ, обязанъ былъ бы представить достаточное количество данныхъ къ обоснованію своихъ мыслей,—но въ его произведеніи мы не встрѣчаемъ и „малѣйшаго намека“ на это, а потому приходится вѣрить лишь на слово. Положимъ, намъ скажутъ, что доказывать „грубость, невѣжество, нравственную порчу“ нашего духовенства, не входило въ задачу избранной статьи и не гармонировало бы съ ея главною мыслию. Однако, не забудемъ и того, что данное положеніе для автора служить *главнѣйшимъ основаніемъ* къ заключенію — о необходимости не-

редать народную школу изъ рукъ духовенства свѣтскимъ учителямъ, которые воспитались бы въ учительскихъ семинаріяхъ, устроенныхъ на европейскій ладъ, и за это потому нужно было бы позаботиться и о томъ, чтобы самое основаніе не казалось висящимъ на воздухѣ. Но въ дальнѣйшее разсужденіе его мы преимущественно свѣтскаго учителя предъ духовнымъ видя народную школу опять всецѣло основывается на мысли о нравственно-интеллектуальной несостоятельности духовенства. Признавая вполне справедливою всю безполезность въ дѣлѣ нравственнаго воспитанія однихъ наставленій и придавая все значеніе въ этомъ случаѣ нравственному облику учителя, и его теплому и честному исполненію долга, его мирному довольству своею опочтенною, хотя и скромною, долею, г. Марковъ полагаетъ, что „свѣтскій учитель могъ бы легче воспитать въ себѣ нравственное отношеніе къ школѣ, потому что онъ не встрѣчалъ бы противорѣчій себѣ, ани въ установленіи и мѣстности Россіи подачками и народомъ, но и невольно заинтересовано поддерживаютъ многие суевѣрные обыватели, а унаследованные отъ добраго языческаго времени ио неизбѣжно связанные съ матеріальною вылодою духовенства въ видѣ платы деньгами, и приношеній натурою, угощенія и пр.“ (стр. 197). И самое нравственное вліяніе на школу, какъ говоритъ онъ, правильно воспитаннаго учителя, не словія вообще можетъ быть чище и безкорыстнѣе. Учитель, если онъ сколько нибудь честно исполняетъ свое дѣло, никогда не явится передъ дѣтьми, которыхъ онъ и наставляетъ въ истинѣ, живымъ отрицаніемъ этой самой истины, какимъ невольно является въ ихъ глазахъ и проповѣдникъ, живоздыхающій въ церкви о грѣхахъ міра, и убѣждающій другихъ, что онъ, не отхлѣбъ единомъ, будетъ живъ человекъ, бни тутъ же, не выходя изъ церкви, на ихъ же глазахъ, жадно торгующійся за каждый лишний грошъ въ свою пользу, и провозглашающій всею вообще одиозною своею одинъ грубой культъ мамоны“ (стр. 198). И не только

по общему нравственному направленію и вліянію своему свѣтскій учитель кажется г. Маркову болѣе удовлетворяющимъ задачамъ и требованіямъ народной школы, сравнительно съ духовнымъ, но и тотъ же учитель видимо представляется ему болѣе подходящимъ съ точки зрѣнія реального развитія учащихся, — отъ него не ожидается ни „консерватизма дурнаго закала“, ни „ретроградства“, ибо ему не придется охранять „своего выгоднаго положенія“, хотя и вреднаго для другихъ, какъ своего рода законы природы, отъ всякихъ измѣненій и посягательствъ, подразумеваемыхъ, что это замѣчается теперь со стороны духовенства. Но тутъ же онъ высказываетъ и вполне симпатичныя мысли, когда говоритъ о необходимости гармоніи между міромъ мысли и физической жизнью челоуѣка, когда трактуетъ о вредѣ окормливанія излишнимъ знаніемъ (стр. 198—201) и т. д.

Во второй, болѣе пространной, части разсматриваемаго произведенія идетъ рѣчь о преподаваніи „Закона Божія“, этого главнѣйшаго средства къ укорененію въ душѣ воспитывающагося религіозно-нравственныхъ принциповъ. Но при этомъ авторъ въ одномъ случаѣ совершенно справедливо замѣчаетъ, что нелѣпо было бы „ограничивать область воспитательнаго воздѣйствія на дѣтей народа одними уроками Закона Божія“, напротивъ, вся жизнь школы, и прежде всего — жизнь самого учителя, должна стать непрерывнымъ урокомъ правды, труда и любви (стр. 215), слѣдовательно, и преподаваніе всякаго предмета въ народной школѣ должно быть направлено къ тому, что составляетъ „едино на потребу“. Настоящее положеніе, установившаяся система преподаванія этого важнѣйшаго по своему вліянію и значенію предмета, на взглядъ г. Маркова, представляются въ довольно жалкомъ, даже плачевномъ видѣ и заставляютъ ждаты еще весьма многого. Онъ съ жаромъ возстаетъ противъ формальнаго, казеннаго отношенія къ Закону Божію всѣхъ и каждаго, причастнаго къ дѣлу народнаго воспитанія, указываетъ на неестественное, „наильственное стискиваніе“ преподаванія этого предмета ту-

да, гдѣ въ немъ не можетъ предстоять надобности, *„единственно изъ соображеній педагогическаго приличія“*, и какъ бы паргоров, уклоняясь въ сторону, говорить о, профанаціи священныхъ предметовъ въ нашихъ университетахъ, о безплодности и безрезультатности изученія Закона Божія въ гимназіяхъ, въ которыхъ этотъ предметъ является лишь „урокомъ батюшки“, и ничуть не возбуждая соответствующаго желаннаго настроенія, и въ заключеніе высказываетъ, что „отвѣты уроковъ, баллы, наказанія, переводы изъ класса въ классъ, выдача дипломовъ и признаніе служебныхъ правъ, все это средства внѣшняго принужденія и насилія, совершенно чуждыя цѣлямъ и интересамъ религіозной нравственности, препятствующія, но не способствующія ей, искажающія ея характеръ и убивающія ея будущность“, и что вообще „низведенію религіи до степени какой нибудь географіи или французскаго языка и примѣненію ея изученію всѣхъ мѣръ, употребляемыхъ при обязательномъ изученіи наукъ, искусствъ и ремеселъ, убиваетъ религію въ самомъ корнѣ и притомъ гораздо вѣрнѣе, чѣмъ всякій атеизмъ, всякое свободомысліе философовъ“. Въ свою очередь тоже формальное отношеніе къ предмету и юношеству нашихъ законоучителей, которые также получаютъ одно формальное знакомство съ истинами вѣры и въсѣмъ міромъ религіи, ясно сказывается и на ихъ отношеніяхъ къ взрослому обществу: „наши священники“, по словамъ автора, являются не пастырями душъ, не учителями народа, а мелкими чиновниками церковнаго вѣдомства, въ услугѣ которыхъ неособенно нуждается властное сословіе дворянъ и бюрократіи, но которые подобно становымъ приставамъ и волостнымъ старшинамъ, могутъ держать въ нѣкоторой зависимости мелкій деревенскій людъ и извѣстнымъ образомъ эксплуатировать его въ свою пользу (стр. 201—208). Отсюда уже, кажется, становятся понятными желанія г. Маркова, имѣющія конечною цѣлю—поднять дѣло религіозно-нравственнаго воспитанія народа; они касаются вообще континента руководителей этого дѣла и сравнительно новой, лучшей постановки преподаванія Закона Божія.

Въ выработанномъ ученымъ комитетомъ министерства народнаго просвѣщенія въ концѣ 1879 года проектъ была проведена мысль, что преподавателями Закона Божія въ народныхъ школахъ лучше и естественнѣе всего быть священникамъ. Но, принимая во вниманіе ничѣмъ неустраимыя препятствія, затрудняющія весьма многимъ священникамъ надлежащимъ образомъ исполнять законоучительскія обязанности, проектъ, какъ бы въ видѣ исключенія, предоставилъ право преподаванія Закона и свѣтскимъ лицамъ, которыя пріобрѣли извѣстный умственный цензъ, однако, не иначе, какъ подъ наблюденіемъ мѣстныхъ или ближайшихъ къ мѣсту школы священниковъ. Естественно, что нашъ авторъ, имѣющій весьма низкое понятіе обо всемъ вообще духовенствѣ, ни въ какомъ случаѣ не могъ сознательно отнестись къ этому проекту. И дѣйствительно, мы видѣли, что онъ, въ разсматриваемой нами статьѣ, старается, между прочимъ, доказать необходимость предоставленія свѣтскимъ народнымъ учителямъ права преподавать Законъ Божій, безъ всякаго контроля со стороны духовенства, не компетентнаго, на его взглядъ, въ данномъ случаѣ при настоящемъ „жалкомъ своемъ нравственномъ уровнѣ“. Къ этому онъ не видитъ никакихъ препятствій: учитель, специально приготовляющійся къ своей профессиональной дѣятельности, естественно вполне достаточно можетъ познакомиться съ Закономъ Божиимъ, чтобы сдѣлаться затѣмъ надежнымъ преподавателемъ въ народной школѣ этого предмета, — вѣдь признаемъ же мы возможнымъ вручить его вѣдѣнію преподаваніе другихъ предметовъ. Между тѣмъ, онъ преподаванія въ школѣ всѣхъ предметовъ, въ томъ числѣ и Закона Божія, однимъ и тѣмъ же учителемъ авторъ ожидаетъ не мало добрыхъ послѣдствій. — „Это, говоритъ онъ, съ одной стороны, сообщитъ единство всей воспитательной жизни школы, а съ другой, подниметъ нравственное значеніе учителя въ глазахъ дѣтей. Это въ одно и тоже время обезпечитъ и дѣйствительный успѣхъ религіознаго обученія нашихъ крестьянскихъ дѣтей, и религіозно-нравственное развитіе самого учителя“ (стр.

218). Въ подтвержденіе той же мысли—о необходимости поручить преподаваніе Закона Божія въ народныхъ школахъ свѣтскимъ учителямъ приводится и внѣшній аргументъ, отъ записки г. Сабурова и авторитетъ талантливѣйшаго нашего педагога, Ушинскаго (стр. 219—220). Бы сожалѣнію, при развитіи этихъ мыслей, авторъ, опять желая возвысить свѣтскаго учителя предъ духовнымъ, не могъ воздержаться отъ огульнаго порицанія нашего наличнаго духовенства. Онъ даже считаетъ его „непригоднымъ къ роли законоучителя“, а доказательствомъ чему служить совершенное незнаніе нашимъ народомъ своей религіи (стр. 216). Впрочемъ, все это мысли уже не новыя. Какъ на особенность настоящей статьи, мы можемъ указать на желаніе автора—привлечь къ дѣлу религіознаго воспитанія народа—частныхъ нравственно настроенныхъ лицъ, освободить ихъ отъ обиднаго и незаслуженнаго подозрѣнія, подобно тому, какъ это ведется на европейскомъ западѣ и въ цивилизованной Америкѣ, гдѣ „не одно духовенство, не одна школа заботятся о воспитаніи народа“, а гдѣ существуютъ сотни частныхъ обществъ и сотни тысячъ членовъ этихъ обществъ, тратящіе на свое дѣло милліоны рублей, которые посвящаютъ себя разнымъ видамъ просвѣщенія и воспитанія народа. Тамъ, говоритъ онъ, „одни издають съ этою цѣлью дешевыя народныя журналы и книги, проводящіе въ народъ здравыя взгляды и полезныя знанія, развивающія его нравственное чувство. Другіе устраиваютъ для него съ этою же цѣлью школы, классы, бесѣды, конференціи. Третьи учреждаютъ народныя бібліотеки, музеи, театры. Четвертые организуютъ въ средѣ народа благотворительныя союзы, пенсіонныя и вспомогательныя кассы, пріюты, богадѣльны всякаго рода, взаимный кредитъ, товарищества потребленія и товарищества добыванія“... Въ частности онъ желалъ бы, чтобы наше духовенство усвоило себѣ воспитательный и благотворящій характеръ инославнаго духовенства. Вообще же „совмѣстное поднятіе сознанія своего христіанскаго и нравственнаго долга въ средѣ духовенства и въ то же время предоставле-

ніе свободной религіозно-правственной дѣятельности всему русскому обществу, рѣшительное и безповоротное снятіе съ него въ этой области печати подозрѣнія и недовѣрія“; — вотъ, по мнѣнію г. Маркова, тѣ средства, которыя одни могли бы, — обезпечить въ будущемъ религіозно-правственное развитіе нашего народа и спасти его отъ неминуемо ожидающаго его впереди гибельнаго разнуданія ничѣмъ не смягченныѣ хищническихъ и грубо-матеріальныхъ его инстинктовъ“ (стр. 209—213).

Наконецъ, что касается самого преподаванія Закона Божія въ народной школѣ, то характеръ его, говоритъ авторъ, долженъ совершенно измѣниться, кому бы ни было поручено это преподаваніе. Но, къ сожалѣнію, авторъ не входить въ обстоятельное разсмотрѣніе этого интереснаго во многихъ отношеніяхъ вопроса, а ограничивается, можно сказать, лишь нѣсколькими замѣчаніями, впрочемъ, весьма дѣльными и основательными, о томъ, чтобы преподаваніе Закона Божія вообще велось по зрѣло обдуманному педагогическому плану и въ отношеніи къ выбору и послѣдовательности предметовъ преподаванія, и въ отношеніи къ самому способу преподаванія, противъ чего такъ грѣшатъ наши руководственныя программы, по коимъ вообще не наблюдается, чтобы „знаніе основныхъ догматовъ вѣры сообщалось ребенку послѣ всѣхъ другихъ подготовительныхъ и развивающихъ школьных трудовъ его“, но которыя, напротивъ, стремятся, безъ видимой надобности, слишкомъ разширить объясненіе богослужебныхъ обрядовъ въ народной школѣ, какъ напр., программа, выработанная на учительскомъ съѣздѣ въ Москвѣ лѣтомъ 1874 г., и отъ каковыхъ недостатковъ не свободны даже лучшія руководства. При этомъ авторъ обращаетъ вниманіе и на то, что, большинство нашихъ программъ даетъ слишкомъ мало мѣста знакомству дѣтей съ подлиннымъ текстомъ евангелія, между тѣмъ какъ, по его мнѣнію, „научить крестьянское юношество читать евангеліе, любить евангеліе, нуждаться въ евангеліи“ — составляетъ „самую здравую и самую христіанскую программу Закона Божія для нашихъ народныхъ школъ“ (стр. 220—224). Отдавая должную дань почтенію сдѣланнымъ г. Марковымъ, замѣчаніямъ, мы не можемъ, однакоже, не поставить ему на видъ, — сверхъ, слишкомъ большой общности его замѣчаній, и того, что напрасно онъ касался (стр. 221—222) уже устарѣвшихъ программъ по Закону

Божію 1869 и 1874 г.г., и не обратилъ надлежащаго вниманія на программы позднѣйшаго времени и, въ особенности, на недавно опубликованную, утвержденную Св. Синодомъ, программу, въ которой, по возможности, устраниены тѣ недостатки, на которые указываетъ въ своей статьѣ г. Марковъ.

А. Кирилловъ.

Отъ комитета Донскаго епархіальнаго общества взаимнаго вспоможенія.

1881 года января 18 дня въ кассу общества поступили членскіе взносы, при отношеніи Павловскаго благочиннаго отъ 2 января № 10, за 1881 годъ: священниковъ: Алексеѣя Вилкова 18 р., Андрея Карпова 12 р., Василия Кожина 12 р., Арсенія Грѣшнова 12 р., Василия Великанова 12 р., Ѳедора Попова 12 р., Авраама Сергѣева 12 р., Іоанна Слашевскаго 12 р., Іоанна Одолламскаго 18 р., Александра Казьмина 18 р., Ѳедора Ильинскаго за 1-е пятилѣтіе 82 р. 16 к., Арсенія Ермилова за 1879, 1880 и 1881 г. 37 р. 44 к., діаконовъ: Василия Васильева 12 р., Андрея Аникеева 6 р., Ѳедора Аванасьева 6 р., и д. псаломщиковъ: Ивана Кириллова 6 р., Василия Штурбина 6 р., Павла Пудовкина 6 р., Симеона Грѣшнова 6 р., Василия Листова 6 р., Виссаріона Грѣшнова 6 р., Петра Иванова 6 р., Василия Пономарева 6 р., Никандра Аванасьева 6 р., Ивана Протопопова 6 р., Владиміра Донецкаго 6 р., Ивана Штурбина $\frac{1}{2}$ 62 к., Ѳедора Попова 6 р., Якова Зимовнова $\frac{1}{2}$ 27 р.—итого 354 р. 49 к.

При отношеніи Каменскаго благочиннаго отъ 29 декабря № 539 членскіе взносы за 1879, 1880 и 1881 годы священника Іоанна Орлова (Груц. хут.) 37 р. 44 к., священника Николая Колпикова (Садк. хут.) 37 р. 44 к.

Января 20 дня при отношеніи Аксайскаго благочиннаго отъ 5 января № 2 членскіе взносы за 1881 годъ: $\frac{1}{2}$ съ нѣкоторыхъ лицъ за несвоевременный взносъ 3 р. 61 к., протоіерея Іакова Соколова 12 р., священниковъ: Михаила Устинова 12 р., Стефана Архипова 12 р. и того же за 1879 и 1880 г. 26 р. 16 к., Максимиліана Базилевскаго 12 р., Іоанна Дометьева съ $\frac{1}{2}$ за прежнее время 12 р. 46 к., Іакова Кириллова 18 р., Матвѣя Митропольскаго за 1879, 1880 и 1881 г. 38 р. 16

к., Дмитрія Орлова за то же время 38 р. 16 к., Алексѣя Ки-
рѣва съ $\frac{0}{100}$ за прѣжнее время 18 р. 21 к., Алексѣя Ковалев-
скаго за 1879, 1880 и 1881 г. 38 р. 16 к., Андрея Китай-
скаго съ $\frac{0}{100}$ за прѣжнее время 18 р. 36 к., Николая Хижня-
кова 12 р., и. д. псаломщиковъ за 1879, 1880 и 1881 годы:
Константина Колачинскаго 19 р. 8 к., Александра Зорина 19
р. 8 к., Павла Алексѣева 19 р. 8 к., Семена Колшикова 19
р. 8 к., Василия Покотилова 19 р. 8 к., Николая Архиппова
за 1881 г. 6 р., Николая Жданова 6 р., Иоанна Архиппова
за 1880 и 1881 г. 12 р. 59 к., Андрея Алфеева $\frac{0}{100}$ за
1880 г. 9 к., пожертвовано протоіереемъ Іаковомъ Соколовымъ
8 р.—итого 399 р. 36 к.

При отношеніи Цымлянскаго благочиннаго отъ 15 января
1881 года, членскіе взносы за 1879, 1880 и 1881 г. свя-
щенниковъ: Иларія Михайлова 57 р. 30 к., Василия Кручини-
на 38 р. 16 к., Александра Данилевскаго 38 р. 16 к., Симе-
она Флорова 38 р. 16 к., Василия Аксенова за 1880 и 1881
г. 25 р. 8 к., Алексѣя Климентова 25 р. 8 к., Гавріила По-
пова за 1879, 1880 и 1881 г. 38 р. 16 к., Андрея Соболе-
ва за 1881 г. и $\frac{0}{100}$ за прѣжнее время 12 р. 54 к., Иоанна
Попова 12 р. 54 к., Фалалея Часовникова 13 р. 8 к., Миха-
ила Попова 18 р. 81 к., Михаила Жукова 12 р. 54 к., Гав-
ріила Руднянскаго 18 р., Михаила Разумова $\frac{0}{100}$ на 80 р. 4 р.,
Николая Колосова за 1879, 1880 и 1881 г. 38 р. 16 к.,
діаконовъ: Василия Алексѣева за тѣ же годы 19 р. 8 к., Але-
ксандра Попова 19 р. 8 к., Василия Архиппова 19 р. 8 к.,
Стефана Попова за 1881 г. и $\frac{0}{100}$ 6 р. 30 к., и. д. псалом-
щиковъ: Якова Самойлова за 1879 и 1880 г. 13 р. 8 к.,
Самуила Ефремова 13 р. 8 к., Алексѣя Зимовнова 13 р. 8 к.,
Василія Иванова за 1879, 1880 и 1881 г. 19 р. 8 к., Ни-
колая Соболева 19 р. 8 к., Стефана Попова 19 р. 8 к., Ев-
лампія Попова 14 р. 52 к., Андрея Моисеева 19 р. 8 к.,
Василія Васильева за 1881 г. и $\frac{0}{100}$ 12 р. 60 к., Петра Ка-
тельникова 6 р. 27 к., Іліи Оболенскаго 6 р. 27 к., Ивана
Попова 6 р. 54 к.,—итого 615 р. 7 к.

При отношеніяхъ Каменскаго благочиннаго отъ января за
№ 1 и отъ 16 января сего 1881 г. за № 12 членскіе взносы
священниковъ за 1879, 1880 и 1881 г. Михаила Щетков-

скаго 37 р. 44 к., Іакова Ковалевскаго 37 р. 44 к., Феодора Казмина 37 р. 44 к., Василя Иванова 37 р. 44 к., Тихона Доброводскаго 37 р. 44 к., Василя Бѣдина 56 р. 16 к., Феодора Михайлова за пятилѣтіе 82 р. 16 к., Михаила Матвѣева за 1881 г. 12 р., діаконовъ: за 1879, 1880 и 1881 г. Василя Власова 18 р. 72 к., Василя Протопопова 18 р. 72 к., Іоанна Попова (Гундоров. ст.) 18 р. 72 к., Іоанна Попова (Сулин. пос.) 18 р. 72 к., и. д. псаломщиковъ за тѣже годы: Стефана Попова 18 р. 72 к., Северіана Оѣміамова 18 р. 72 к., Стефана Кордовскаго 18 р. 72 к.—итого 468 р. 56 к.

Священника церкви Донскаго Маріинскаго Института Николая Кратирова за 1-е пятилѣтіе 22 января 90 р., священника Малонещвѣтайскаго хутора Николая Китайскаго за 1-е пятилѣтіе при запискѣ отъ 22 января 90 р.

27 января при отпoшеніи Глазуновскаго благочиннаго отъ 18 января 1881 г. № 24 членскіе взносы за 1881 г. и. д. псаломщиковъ: Василя Попова 6 р. 18 к., Александра Попова 6 р. 18 к.

При рапортѣ отъ 14 января № 5 членскіе взносы за 1879, 1880 и 1881 г. священника Симеона Попова (Бурац. ст.) 54 р. и $\frac{1}{3}$ его же за прежніе годы 8 р., и. д. псаломщика Василя Зимовнова 18 р. и $\frac{1}{3}$ его же за прежніе годы 3 р.

I. СОДЕРЖАНІЕ ОФИЦІАЛЬНАГО ОТДѢЛА.

Высочайшій манифестъ.—Опредѣленія Св. Синода.—О правдой псаломщической вакансіи въ слоб. Мариновкѣ.

II. СОДЕРЖАНІЕ НЕОФИЦІАЛЬНАГО ОТДѢЛА.

Мученическая кончина Государя Императора Александра Николаевича.—Возшествіе на престолъ Государя Императора Александра III.—Слово въ день возшествія на престолъ Государя Императора Александра Николаевича.—Поученіе противъ раскольниковъ.—Религія въ народной школѣ.—Отъ комитета Донскаго епарх. общества взаимнаго вспоможенія.

Редакторъ, преподаватель Семинаріи Александръ Гиларевскій.

Печатать дозволяется: цензоръ, протоіерей В. Золотаревъ.

Новочеркасскъ, Марта 15 дня, 1881 года.